

СОДЕРЖАНИЕ

Владислав Аксенов. Голод как политика: гуманитарная и политическая составляющие борьбы с голодом в 1891–1922 годах 8

Предисловие. По следам Общества Друзей 70

Часть I. 1916–1918

Глава 1 77

Первые контакты квакеров с Россией. Беженцы в Российской империи времен Первой мировой. Квакерская миссия в Петрограде в апреле 1916 года. Поездка четверых квакеров в Москву, Самару и Бузулук. Общение с царскими чиновниками, Татьянинским комитетом. Решение о помощи беженцам в Бузулукском уезде Самарской губернии. Открытие в четырех селах уезда больниц, мастерских для беженцев, приютов. Революционные вести из столицы.

Глава 2 111

Приезд шести сотрудниц из США. Работа в квакерских больницах, приютах и мастерских. Появление в Бузулуке большевиков. Регистрация брака англичанина с американкой в Бузулукском совдепе. Приют для детей беженцев в Спасо-Преображенском монастыре. Идея квакерского посольства. Надежды и планы весны 1918 года.

Глава 3 132

Проблемы с финансированием из-за рубежа. Чехословацкие легионеры в Бузулуке. Глава квакерской миссии отправляется за деньгами в Петроград. Путешествие с мешком денег через линию фронта. Два члена миссии переезжают в Москву, чтобы работать в провинциальных детских колониях. Сотрудники англо-американской миссии покидают Бузулук.

Глава 4 143

Работа в большевистской Москве. Сотрудничество с Пироговским обществом и советскими чиновниками. Командировка в Тамбовскую и Воронежскую губернии. Работа с детьми в четырех колониях. Квакерская миссия покидает Советскую Россию.

Часть II. 1919–1931

Глава 5 160

Попытки квакеров вернуться в РСФСР. Квакерская гуманитарная помощь. Двое квакеров в столице. Идеи «квакерского посольства». Квакер-коммунист на субботнике. Уэлч и Уоттс — английские квакеры с противоположными взглядами. Встречи с толстовцами. Американка Хейнс, сменившая англичанина Уэлча. Встречи с Чичериным и Луначарским, речь Ленина на съезде. Попытки увеличить число квакерских работников в России.

Глава 6	195
Голод в Поволжье. Заключение договора с Наркомпродом. Квакеры выбирают Бузулук. Начало программы помощи голодающим. Американцы вынуждены работать под АРА. Американские квакеры открывают свой офис в Сорочинском. Квакерский центр в Алексеевке. Склады квакерских продуктов в Москве. Пик голода миновал. Советские чиновники просят квакеров не уезжать.	
Глава 7	232
Смерти в квакерской миссии. Как квакеры продолжают свою работу после победы над голодом. Истории детдома № 33 в Гамалеевке, села Кузьминовка, пунктов питания в Бузулуке. Борьба с малярией. Слияние Американской и Английской групп ОДК. Подписание договора с ЦК Последголод. Договор о квакерских тракторах. Встреча с русскими квакерами на станции Бузулук.	
Глава 8	271
От кормления к восстановлению и созиданию. Встречи с большевистскими чиновниками. Религия в безбожном государстве глазами квакеров. Поставка лошадей крестьянам. Бизнес-план Нэнси Бабб и больница, построенная ею в Тоцком.	
Глава 9	299
Квакерский проект сельхозшколы в Умновке. Планы на дальнейшее сотрудничество. Постепенный исход квакеров из Бузулука. Медицинские проекты американской квакереи Анны Хейнс. Вызов Хейнс в ОГПУ. Московский офис — будущий квакерский центр в России?	
Глава 10	328
Выживание московского офиса квакеров и его закрытие. Сотрудничество квакеров с Советской Россией на индивидуальном уровне: истории Артура Уоттса и семейства Тимбросов, Александра Уикстида, Маргарет Барбер и Уильяма Уилдона.	
Глава 11	356
Отношение квакеров к советской власти. Очарование идеалами коммунизма. Квакеры — полезные идиоты или упорные оптимисты?	
Послесловие. Возвращение в Россию	
60 лет спустя	390
Приложение 1. Список квакерских сотрудников, работавших в России в 1916–1919 годах	394
Приложение 2. Список квакерских сотрудников, работавших в России в 1920–1931 годах	396
Благодарности	401
Краткая библиография	402

ГОЛОД КАК ПОЛИТИКА: ГУМАНИТАРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ БОРЬБЫ С ГОЛОДОМ В 1891–1922 ГОДАХ

В последние десятилетия в научной и околонучной литературе происходит ревизия представлений о повседневной жизни российских крестьян на рубеже XIX–XX веков. Часто можно услышать мнение о том, что прежние выводы о тяжелом положении сельских жителей сильно преувеличены, да и голода никакого ни в 1891–1892-м, ни в последующие годы не было, а был всего лишь «недород» зерновых культур. В подтверждение этой «оптимистической» концепции приводятся цифры роста урожайности, экспорта зерна. В то же время «пессимисты» также обращаются к статистике, свидетельствующей, наоборот, о кризисных процессах в сельском хозяйстве. Однако в этой войне цифр теряется человек прошлого, повседневное пространство деревенской жизни, которое зачастую не поддается измерению валовыми показателями. Сторонники концепции о благосостоянии российской деревни в конце XIX века указывают на то, что разговоры о голоде преувеличены, так как от голода умерло

«не достаточно много» крестьян, с высокомерием отбрасывают свидетельства очевидцев, считая их единичными и несущественными примерами на фоне общей модернизации жизни рубежа веков. Однако важно понимать, что субъективные представления человека о своей жизни играют не меньшую роль, чем рассчитанные объективные характеристики. Да и большая история зачастую складывается как мозаика частного, на первый взгляд незначительного. Во время голода 1891–1892 годов английские квакеры принимали участие в оказании продовольственной и медицинской помощи в Поволжье, на Кавказе; вряд ли их вклад сравнится с помощью, оказанной земствами, Красным Крестом, Особым комитетом, Л. Н. Толстым, отрядами российских студентов, однако едва ли можно измерить какими-то величинами ту благодарность, которую испытывали спасенные ими реальные люди.

Есть еще одна любопытная психологическая сторона в истории британской помощи, характеризующая сочетание объективного и субъективного в истории: решения англичан о пожертвованиях голодающим в России были приняты под впечатлением недавнего «великого голода» в Британской Индии¹. Услышав о голоде в России, квакеры нарисовали в своем воображении соответствующие картины и отправились туда, и, хотя ситуация в Российской империи в 1891–1892 годах была много лучше, чем в британской

¹ Kelly L. *British Humanitarian Activity in Russia. 1890–1923*. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 2.

колонии, они продолжили свою гуманитарную миссию¹. Следует заметить, что иностранные благотворительные религиозные организации в первую очередь стремились помочь своим собратьям по вере, однако квакеры, не имевшие прямых последователей в России, были в этом отношении менее избирательны. В 1892 году они в качестве объекта помощи избрали близкую по религиозным взглядам секту духовных христиан (духоборов), которых власти преследовали за пацифистские убеждения, которые изгонялись из домов и становились беженцами. Беженцам пришлось особенно тяжело в голодные годы. В Первую мировую и Гражданскую войны квакеры уже помогали в России всем беженцам и крестьянам, вне зависимости от их религиозных взглядов. Такая позиция вызывала критику со стороны представителей Американской администрации помощи (АРА), считавших, что квакеры неэффективно расходуют средства, которые растворяются среди огромной массы нуждающихся. Впрочем, проблема расходования средств была общей. В 1891–1892 годах общественные деятели критиковали земства за то, что они передают собранные хлеб и деньги крестьянским общинам, которые распределяют их между своими членами поровну, вместо того чтобы наделить ими наиболее нуждающихся. Гуманитарный и «технологический»

¹ Впрочем, как отмечает Люк Келли, английская благотворительная миссия в России также не была лишена определенных амбиций по либерализации политической системы в России, хотя британское квакерское Общество друзей, в отличие от Общества друзей русской свободы, не делало политических заявлений.

аспекты благотворительности не всегда сочетались друг с другом.

Современные дискуссии о благосостоянии российского крестьянства рубежа XIX–XX веков отчасти являются следствием различий двух взглядов на прошлое: с высоты мертвой статистики и сквозь призму живой, человеческой истории. Собственно, разница подходов обнаруживается уже у современников трагических событий прошлого: власть и консерваторы приводили количественные показатели продовольственной помощи, считая разговоры о голоде сильно преувеличенными, а земства и либеральная общественность, напротив, били тревогу, ссылаясь на многочисленные частные свидетельства с мест. Стремясь к объективности и выстраивая концептуальные схемы, очень важно не упустить из виду живого человека. Обращение к теме голода и продовольственной, медицинской помощи позволяет вернуть истории эмоциональное начало. Таким образом, теме голода и помощи голодающим необходимо рассматривать в контексте эмоциональных практик современников, экономических стратегий и борьбы за власть между различными институтами общества и государства.

Для прояснения ситуации необходимо вспомнить состояние российского сельского хозяйства в пореформенный период и разобраться с тем, как тема голода приобретала политическое звучание.

На рубеже XIX–XX веков Российская империя являлась аграрной страной, в которой труд на земле основного производителя во многом оставался

архаичным. Отмена крепостного права изменила социально-правовой статус крестьян, однако сопровождавшее ее сокращение крестьянских земельных наделов, сохранение в руках помещиков полей, лугов, лесов, важных в сельскохозяйственном отношении, осложняли положение российской деревни. Начавшаяся модернизация, казалось, открывала перед крестьянами новые перспективы, могла решить проблему аграрного перенаселения, тем не менее определенный консерватизм, традиционализм ведения хозяйства, направленный на снижение производственных рисков, сдерживал развитие деревни.

К традиционным сдерживающим факторам относился низкий уровень сельскохозяйственной культуры. Несмотря на планомерное увеличение валового сбора зерновых во второй половине XIX века, происходило это в основном за счет введения в оборот новых посевных площадей, то есть за счет экстенсивного развития сельского хозяйства. Кроме того, значительный процент экспорта хлеба обеспечивался помещичьим, а не крестьянским хозяйством. В общине продолжало господствовать трехполье, при котором ежегодно под паром оставалось около 33% земли от площади пашни. Это усугубляло «земельный голод» российских крестьян. Другим отягчающим обстоятельством выступало отсутствие массовой практики удобрения почв. В середине XIX века из 59 губерний и областей лишь в 22 регулярно использовалось унавоживание почвы, в большинстве губерний и областей трехполье было безнавозным. Несмотря

на постепенное расширение ареала использования удобрений, даже в начале XX века безнавозное трехполье преобладало над навозным¹. Одной из причин малого использования естественных удобрений было недостаточное развитие животноводства.

Нельзя также не отметить рутинность используемой сельхозтехники. Хотя в 1910-е годы началось внедрение машин, причем около 40% из них были немецкого и австрийского производства, в большинстве крестьянских хозяйств землю обрабатывали по старинке. В 1910 году в Европейской России железные и деревянные плуги составляли 47% от всех пахотных орудий, почти столько же и традиционная соха — 44%, причем в губерниях центральной России доля сохи была преобладающей — 61%². Несмотря на малую эффективность сохи, которая, в отличие от плуга, обеспечивала меньшую глубину заделки, не переворачивала пласт земли и требовала больших физических усилий от пахаря, вспашка земли сохой могла осуществляться одной малосильной лошадкой, тогда как для плуга, в зависимости от почвы, могло потребоваться и две пары быков. В 1915 году особенно разительные отличия в механизации земледельческого труда современники отмечали в Сибири: в одних районах применялись соха, косули, деревянные плуги и бороны, «в то же самое время вблизи, часто лишь

¹ *Островский А. В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 101.

² Сельскохозяйственные орудия и машины в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913.

в полусотне верст от сел с первобытным инвентарем, находятся местности, где в хозяйствах можно встретить новейшие марки нашего внутреннего, североамериканского и германского с.-х. машиностроения»¹. Традиционные способы обработки почвы, как правило, использовали старожилы, тогда как новоселы, колонисты экспериментировали с новейшей техникой. Земства активно занимались агрономическим просвещением крестьянства, численность агрономического персонала неуклонно увеличивалась (с 29 человек в 1890 году до 854 агрономов в 1910-м), появлялись опытные поля и станции, однако общий агрикультурный уровень России оставался низким.

Серьезным вызовом для аграрного сектора России была зависимость от метеорологических условий. Главную причину недорода зерновых современники усматривали в регулярно повторявшихся засухах. Неурожаи случались постоянно, но наиболее голодными годами стали 1891–1892, когда особенно пострадали черноземные районы. Тогда сыграли свою роль сразу несколько метеорологических факторов: лето 1890 года оказалось обильным на дожди, что благоприятно сказалось на всходах урожая, однако резко наступившая во второй половине июня тропическая жара с сильными ветрами засушили зерно на корню. Кое-где начались сильные пожары: «С какою-то систематическою беспощадностью, которая невольно внушает суеверную идею сознательной

¹ Земледельческая газета. 1915. № 13. С. 354.

преднамеренности и кары, природа преследовала человека. По иссыхающим нивам то и дело проходили причты с молебнами, подымались иконы, а облака тянулись по раскаленному небу, безводные и скупые. С нижегородских гор беспрестанно виднелись в Заволжье огни и дым пожаров. Леса горели все лето, загорались сами собою; огонь притаивался на зиму в буреломах и тлел под снегом, чтобы на следующую весну, с первыми сухими днями, вновь выйти на волю и ходить пламенными кругами до новой зимы... Голод подкрадывался к нам среди этого зноя и дыма, среди этой засухи», — вспоминал В. Г. Короленко¹. При этом засуха в отдельных губерниях продолжалась до сентября, а в ноябре, при полном бесснегии, наступили двадцатиградусные морозы. Весна 1891 года отличалась почти полным отсутствием половодья, в результате чего заливные луга остались неувлажненными, а наступившие в конце апреля холода погубили озимые. В мае случилась новая засуха, которую вскоре сменили короткие обильные дожди, а затем морозы, что погубило молодую растительность. Пронесшийся по ряду черноземных губерний сильный циклон сдувал пахотный слой, в других случаях ураганы выбивали зерно из колосьев. Хотя зима 1891 года наступила рано и оказалась обильна на снега, снег этот быстро сошел, а наступившие после этого морозы привели к вымораживанию озимых².

¹ *Короленко В. Г.* В голодный год. Наблюдения и заметки из дневника // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. М., 1955.

² *Ермолов А. С.* Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 5–9.